

Е. Н. Канрэ

**СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОЦЕНОЧНЫХ
И МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ
(на материале книжно-славянских памятников XIV – XV вв.)**

Связи модальности и эмоционально-экспрессивных оценок рассматриваются на материале житийных текстов XIV – XV вв., прослеживается их связь с представлением средневекового человека о моральном значении прекрасного.

The article considers the interaction between modality and affective evaluation on the basis of hagiography of the XIV – XV centuries in the framework of medieval concept of the moral meaning of the beautiful.

Ключевые слова: модальность, оценочность, функциональная грамматика, древнерусская литература.

Keywords: modality, evaluation, functional grammar, Old Russian literature.

Вопрос о функционально-иерархическом статусе модальности и оценочности привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей [2; 5; 6; 8], однако единой точки зрения по данному вопросу до сих пор не выработано. Как известно, ряд исследователей рассматривает оценочность как составной элемент модальности [8; 17]. Сторонники второй точки зрения полагают, что оценка шире модальности, так как представляет собой основание мнения [6; 10; 16]. Указанный подход к функционально-иерархическому статусу модальности и оценочности представляется нам наиболее перспективным, так как позволяет исследовать отношение модальности к различным видам оценок, в том числе и к эмоционально-экспрессивным оценкам, которые мы относим, вслед за А. В. Бондарко [5, с. 40–41] и С. С. Ваулиной [6, с. 4], к периферии модальности.

Выбор материала нашей статьи мотивирован безусловной актуальностью изучения текстов того периода, когда на Руси происходили важные исторические изменения (победа в Куликовской битве) и связанный с ними рост личностного начала в культуре [13, с. 329], отразившийся в текстах именно в лексике с модально-оценочными значениями возможности, долженствования, необходимости.

Языковые средства, эксплицирующие модально-оценочное значение долженствования в житийных текстах, наиболее частотно представлены предикативом *лпно*, который толкуется в словарях как «прилично, годится, следует» [19]. *Лпно*, *лпныи* восходит к праслав. *loipros «липнуть, лнуть». Развитие семантики лексемы *лпно* выглядит следующим образом: «липнуть, лнуть» → «соответствовать, соответствующий» → «хороший» → «красивый» [20]. Уже в ранних текстах др.-рус., рус.-церк.-слав. *лпныи* реализует спектр положительных оценок: «красивый, хороший, прекрасный», «годный, полезный, необходимый», высту-

пая в общеоценочной функции, подобно прилагательному «добрый», а позднее (с XV – XVI вв.) и «хороший»; в значении модальности долженствования – «подобающий, надлежащий, должный» [20]. Таким образом, мы наблюдаем единство этих двух категорий в древнерусском языке.

Историки культуры указывают на цельность средневекового мирозерцания, невычлененность его отдельных сфер, сочетающуюся с уверенностью в единстве мироздания. Отсюда проистекает и недифференцированность нравственных и правовых категорий, где прекрасное представляло собой моральную ценность [9, с. 26]. Именно эта сопряженность морального закона (модальности долженствования) и положительной этической оценки, эксплицированных предикативом *лһно*, наблюдается в житийных текстах конца XIV – XV в. Ср.: «Да *лһно* есть тебе святии церковь сию паче всѣх въ имя святаго троица» (ЖСР, с. 296); «*Лһно* же бяше и сему младенцу трижды провъзгласити, въ утробѣ матернѣи сушу, преже рожения...» (Там же, с. 274); «Сего блаженнаго великого князя Михаила Ярославича нһсть *лһно* в забвение ума оставити...» (Ж. Мих. Яросл. Тверск., с. 68); «*Лһно* есть нам, братие, положити главы своя за правовһрную вһру христианскую» (Сл. о жит. вел. кн. Дм. Ив., с. 212). Как показывают приведенные примеры, модальность долженствования неразрывно связана с положительной этической оценкой.

Следует отметить, что в современном русском языке сохраняется только отрицательная форма указанной выше лексемы с утратой модального значения и сохранением оценочности, что связано с потерей моральной составляющей, так как *нелѣпый* в современном русском языке означает «не оправдываемый здравым смыслом, странный, несуразный» [18].

Реализация соответствующих значений в житийных текстах рассматриваемого периода осуществляется также предикативами *добро*, *полһзно*, *достойно* и кратким прилагательным *доволенъ*, зафиксированных в тексте сравнительно реже, чем лексема *лһно*.

Предикатив *добро* развился от ст.-слав. доба «время, сутки, сдоба», восходящего к индоевропейской основе *dhabh, первоначальное значение которой «подходить, быть подходящим, соответствовать, приносиваться» [19], что, несомненно, должно было способствовать развитию в семантической структуре данной лексемы как положительно-оценочных компонентов, так и модальных.

Как справедливо замечают исследователи, лексема *добро* в первую очередь отражает в своей семантике оценочный компонент: «имеющий положительную оценку с точки зрения христианской морали» [1, с. 6]. Единичность употребления указанной лексемы в памятниках церковно-религиозной литературы характеризуется, с одной стороны, генетически «земной» направленностью, а с другой – особой семантической нагруженностью лексемы вследствие ее связи с морально-этической сферой [12, с. 191 – 197; 4, с. 105 – 106].

Интерес представляют результаты сравнения особенностей функционирования лексемы *добро* в древнерусском языке с данными современного языка. Потеряв добавочное значение необходимости, указанная лексема приобретает новое модальное обрамление – становится

экспликацией частного значения возможности и долженствования. Так, по данным БАС, лексема *добро* во втором значении (в роли наречия и частицы) употребляется при подтверждении, одобрении чего-либо, согласии с чем-либо в значении «хорошо, ладно, так, пусть будет так», заключая в себе, кроме явно выраженной оценки, добавочное значение долженствования. Кроме того, в третьем значении лексема *добро* в сочетании с частицей *бы* используется для выражения «предположительно-возможного условия» [18].

Наречие *полъзно* восходит к прилагательному *полъзныи* — «приносящий пользу», «идуший во благо», «полезный» [19], этимологически связанному с праслав. *lъga «польза» [20]. На базе семантики рассматриваемого прилагательного развивается значение «нужный», следовательно, у лексемы *полъзно* возникает способность выражать частное значение необходимости выполнения действия, которая в современном русском языке утрачена, так как случаев употребления лексемы *полезный* в модальном значении не зафиксировано [18].

Лексема *достойно* имела значение «надлежит, нужно» [22]. Семантика префиксального образования данного прилагательного объясняется мотивационными отношениями в обширном словообразовательно-этимологическом гнезде праслав. *dostati, *do stojati. Сравните, с одной стороны, др.-рус. *достояти* «стоять (достоять) до определенного срока или до каких-либо последствий», при значении слова *достояние* «наследие, обладание, владение», а с другой — ст.-слав. *достояти* «следует, должно» [20]. Л. П. Дронова отмечает, что семантические отношения в указанном гнезде «явно показывают осмысление достаточного как значимого, достойного и являющегося результатом положительно оцениваемых качеств» [11, с. 182]. Перечисленные выше значения способствовали экспликации прилагательным *достойнъ* субъективной возможности, а оценочное семантическое обрамление обусловило его реализацию в контекстах морально-этического содержания, к числу которых относятся жития. Необходимо также обратить внимание на сохранение этих компонентов в современном русском языке. Так, прилагательное *достойный* эксплицирует положительную оценку: «1. Заслуживающий, стоящий чего-либо. 2. Вполне соответствующий чему-либо. 3. Обладающий положительными качествами; уважаемый, почтенный» [18], в то время как наречие *достойно* является средством выражения долженствования: «Подобающим образом, как следует» [Там же].

Прилагательное *доволенъ* толкуется в словарях как «довольный», «достаточный, большой», «способный, достаточно искусный» [19; 20] и реализует в древнерусском языке частное значение «иметь способность выполнить действие». Следует отметить, что в современном русском языке производные от лексемы *доволенъ* сохраняют способность выражать как модальное, так и оценочное значение. Так, лексема *довольный* является средством выражения положительной оценки: «1. Испытывающий чувство удовлетворения, удовольствия от чего-либо. 2. Значительный, достаточный» [18]. Лексема *довольно* имеет следующие значения: «1. По первому значению прилагательного. 2. Столько, сколько требует»

ся, достаточно. 3. Больше не нужно, хватит» [Там же]. Как видим, в третьем пункте лексема *довольно* реализует частное значение необходимости.

Именно эти значения рассмотренных выше лексем дают им возможность эксплицировать в житийных текстах конца XIV—XV в. как модальность, так и оценку. Ср.: «Лһпо убо и нам того въ правду *достойно* ублажити и похвалити...» (ЖСР, с. 408); «...тайна бо царева лһпо есть таити, а дһла бо жиа провһдати *добро* и *полезно*» (Там же, с. 258); «И кто может сказати труды его, или кто *доволенъ* изглаголати подвигы его, како претръпе, единъ живый в пустыни?» (Там же, с. 304); «...ниже убо *достойно* таковому пречюдному чаду от инх родитель родитися...» (Сл. о жит. вел. кн. Дм. Ив., с. 222).

В заключение необходимо отметить, что главным связующим звеном между лингвистическими категориями модальности и оценочности является их субъективность в том понимании этого термина, которое отражено в работах Э. Бенвениста, считавшего, что «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть — понятию “Его”» [3, с. 293]. Субъективность, о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представлять себя в качестве субъекта, что эксплицируется перечисленными выше лексемами и в житийных памятниках XIV—XV вв. Сравните, например: «Да съ теми убо святы жители *лһпо* намъ есть тһ радости насладитися, благодатию и человеколюбиемъ единчадаго сына твоего» (Сл. о жит. вел. кн. Дм. Ив., с. 228); «Яко же бо нелһпо и не подобает жития нечистивыхъ пытати, сице не подобает жития святыхъ муж оставляти...» (ЖСР, с. 258); «...»ни бо аз самъ възможне имам, или *доволенъ* к таковому начинанию...» (Там же, с. 260).

Проведенный анализ показал, что специфика взаимодействия оценочных и модальных значений в житийных текстах XIV—XV вв. заключается в их неразделимости, основанной на представлении средневекового человека о прекрасном как представляющем моральную ценность. Средствами выражения указанных категорий являются предикативы *лһпо*, *добро*, *полһзно*, *достойно* и краткое прилагательное *доволенъ*. Использование этимологического анализа позволило проследить эту взаимосвязь от истоков ее формирования до настоящего времени и обнаружить, что лексемы *добро*, *достойно* и *доволенъ* эксплицируют как модальное, так и оценочное значение на протяжении всей истории их функционирования в языке, в то время как лексемы *лһпо* и *полһзно* утрачивают модальную составляющую.

Список источников

Ж. Мих. Яросл. Тверск. — *Житие* Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб., 1999. Т. 6.

ЖСР — *Житие* Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV—сер. XV в. М., 1981.

Сл. о жит. вел. кн. Дм. Ив. — *Слово* о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Там же.

Список литературы

1. Алимтиева Р. В., Хабарова О. В. Прекрасное как ключевая категория русского языкового сознания XI—XIV веков // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер. Филол. науки. 2006. №8.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Берестнев Г. И. Иконичность добра и зла // Вопросы языкознания. 1999. №4.
5. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
6. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценностные категории как компонент языковой системы. Калининград, 2009.
7. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
9. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
10. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывании научного текста: монография. Пермь. 2005.
11. Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
12. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
13. Колесов В. В. Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.
14. Колианский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. №1.
15. Краснова Т. И. Субъективность — модальность. СПб., 2002.
16. Трунова О. В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул; Новосибирск, 1991.
17. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3.
18. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; СПб., 2004.
19. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1959.
20. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2000.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964—1973.
22. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь. М., 1975.

Об авторе

Е. Н. Капрэ — асп., РГУ им. И. Канта, ekapre@rambler.ru

Author

Ye. Kapre — PhD student, IKSUR, ekapre@rambler.ru